

УДК 930

Свиридов И.С., аспирант, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Россия)

НАРОДНАЯ ШКОЛА И ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ НРАВСТВЕННОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Актуальность исследуемой темы объясняется увеличением в современной России образованных людей и падением их уровня нравственности. Предметом исследования выступает великорусское крестьянство, преимущественно второй половины XIX в. В статье рассматривается вопрос о получении сельским населением во второй половине XIX в. образования и влияния этого процесса на состояние народной нравственности. Подробно освещается дискуссия о целесообразности овладения грамотой сельскими тружениками, заочно произошедшая в 1860-гг. в отечественной публицистике. Приведены мнения, как противников, так и сторонников получения образования сельским населением. Раскрываются причины, побуждавшие крестьян к «желанию учиться», среди которых выступали польза при прохождении военной службы и понимание грамотными крестьянами процесса ведения делопроизводства волостными писарями во время сельских сходов, распознавания махинаций. Значимым моментом проявления этой деятельности являлась организация школ различного вида в рамках единой школьной сети (министерские, земские, церковно-приходские, школы грамоты). Польза грамотности заключалась в том, что, получая основы образования, сельские труженики начинали осознавать свое положение в рамках российского общества. Кроме того, образованные крестьянские дети стремились научить грамоте своих стариков-родителей.

Ключевые слова: грамотность, развитие школьной сети, уровень нравственности, духовно-нравственное воспитание
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-02-196-202

В настоящее время в исторической науке пристальное внимание уделяется истории повседневности, отечественными и зарубежными специалистами рассматриваются вопросы культуры и быта целого народа или отдельно взятой группы.

В связи с этим, на наш взгляд, необходимым является проследить, каким образом во второй половине XIX в. овладение грамотой великорусским крестьянством, составившим более 2/3 населения (77,1%), влияло на повышение уровня нравственности сельского населения.

Территориальные рамки ограничены Центральной Россией, а именно Центрально-Черноземным и Центрально-промышленным районами.

Из дореволюционной историографии укажем статью Я.К. Грота, посвященную характеристике сельских школ Рязанской губернии [15, с. 225]. Кроме того, некоторое внимание исследованию грамотности среди крестьянского населения России уделил либеральный деятель, исследовавший крестьянское самоуправление, кн. А.И. Васильчиков. «В пользу грамотности уже не сомневаются или, по крайней мере, не показывают сомнения даже те немногие почитатели патриархальных преданий, которые в глубине души порицают просвещение народных масс» [3, с. 142], – писал он о 1860–1870-х гг.

Укажем и исследование И.Н. Корсунского, изучившего деятельность Раненбургской Петропавловской пустыни, находящейся в Рязанской губернии и пришедшего к выводу, что монахи пустыни положительно воздействовали на прихожан, попутно обучая крестьянских детей грамоте [7].

Позитивно отзывался о грамотных крестьянах и Тан: «Молодое крестьянство ведет ожесточенную борьбу против винного сокола, и на его пирушках и складчинах отсутствуют крепкие напитки» [19, с. 12].

О характере читаемой землепашцами литературы упоминал в своем исследовании М.Н. Суринов: «Читали и газеты – «на первом месте стоит «Русское Слово», а дальше «Сын Отечества», «Русские ведомости» и др. прогрессивные издания. Газета, попавшая в деревню, редко служит достоянием одного человека; крестьяне любят слушать газету вслух, и часто собирается вся деревня» [18, с. 28].

Проанализировав санитарно-эпидемиологическое состояние и историю двух сел Воронежской губернии в начале XX века, затронул и грамотность сельчан известный земский деятель А.И. Шингарев [22].

Уже в эмиграции сравнивая образованность крестьянства и интеллигенции конца XIX века виднейший исследователь К.Р. Качоровский писал: «Крестьянство уже с 70-х, 80-х и 90-х годов заводило свои школы,

принимало огромное участие в земских сходах; закрытие кабаков, прежде чем стало правительственным, было распространённым мирским действием. Явились хоры и театры из самих же крестьян» [5, с. 217].

Из советской историографии укажем очерки о начальном народном образовании, вышедшие в 1953 году [6].

В современной исторической науке выходят исследования краеведческого толка. Сравнительному анализу земские начальные с церковно-приходскими школами Тамбовской губернии подвергла Е.В. Паршина [9]. Детальный анализ Татевской школы С.А. Рачинского провела И.В. Ушакова [20].

Комплекс источников составили архивные материалы, воспоминания крестьян и публицистика.

В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) были обследованы личные фонды С.Д. Дрожжина (Ф. 176) [11], А.С. Пругавина (Ф. 2167) [12].

В церковной периодике – в Рязанских епархиальных ведомостях помещались протоколы и отчеты епархиальных и окружных съездов духовенства и училищных съездов, отчеты епархиальных миссионеров о состоянии старообрядчества и сектантства в пределах епархии, миссионерской деятельности и т.д. [8].

Одним из ценнейших источников стали крестьянские мемуары. Следует выделить книги грамотного крестьянина-самоучки Московской губернии С.Т. Семенова [16], воронежского крестьянина, ставшего впоследствии революционером, Ив. Столярова [17].

Обозначим здесь, что дискуссия о целесообразности создания школьной сети в великорусской деревне и необходимости обучения сельских тружеников развернулась еще в публицистике 1860-е гг. Так, по мнению одного из противников данного мероприятия, с которым можно частично согласиться, «воспитание народа совершается не в одних народных школах. Распространение грамотности есть средство упрощения и обобщения тех основных начал, без коих цивилизация невозможна; но начала эти не создаются школами. Они всегда глубоко лежат в сознании самого народа и заключаются в его религии и в его понятиях о справедливости» [10, с. 260].

Приведем и иное мнение, представленное возражениями одного из постоянных

членов училищного совета от земства по Рязанскому уезду Рязанской губернии, священником И. Леоновым, утверждавшим, что «после освобождения крестьян помещичьих от крепостного права весь простой народ приходит сам к тому моменту, что наука для него необходима» [7, с. 262].

Дискуссия об образовании, прошедшая в основном заочно, не ограничилась теоретическими выводами принимавших в ней участие государственных и земских деятелей.

Со второй половины XIX в. в стране появляются школы – министерские, земские, церковно-приходские, школы грамоты и т.д. Самым распространённым типом учебных заведений считались земские школы, появившиеся после учреждения земств в 1864 году. Их деятельность регулировалась «Положениями о начальных народных училищах» 1864 и 1874 гг. Так, например, в с. Парахнине Касимовского уезда Рязанской губернии числилось к концу XIX века семь школ: 1 земская, 1 ЦП и 5 школ грамоты. По сведениям за 1892 год в них училось детей возраста 7–14 лет 62% м.п. и 6% ж.п. от общей численности жителей села в 1326 чел. [4, с. 29].

В самой же Рязанской губернии к концу XIX века числилось 42,8% грамотных [8, с. 1]. Земские школы были любимы многими крестьянами. Так, в 1869 г. для приготовления учителей Рязанское земство открыло свою семинарию и заботилось о ней. Как относились землепашцы к этой семинарии, можно судить по тому факту, что крестьяне Троицкой пригородной слободы не только согласились уступить нужную под училище землю с готовым на ней садом; но, несмотря на двоекратное разъяснение управы, что земля эта, как находящаяся около станции железной дороги, имеет значительную ценность и будет дорожать с каждым годом, приговором постановили, что под училище они жертвуют землю даром, лишь бы обучали детей их грамоте [21, с. 77].

На втором месте по значимости для сельского населения были церковно-приходские школы (ЦПШ), открывавшиеся православным духовенством с целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания.

К ЦПШ отношение крестьян было несколько иным, чем к земским школам, так как «в них просвещение не было самостоятельной и довлеющей целью, но лишь средством научить детей молиться, бояться Бога и любить царя» [17, с. 373]. Главным предметом являлся Закон Божий, изучение которого воспитывало в детях нравственность и любовь к Богу. Но крестьяне не отдавали предпочтение ни окончившему земскую школу, ни окончившему церковно-приходскую. Грамотный крестьянин, вне зависимости, от его образования уже пользовался сильным влиянием в глазах односельчан.

Существовали и так называемые школы грамоты, существовавшие до 14 февраля 1882 года на полулегальном положении, после чего был издан циркуляр Министерства народного просвещения, разрешавший «учительствовать» в школах грамоты без «учительских свидетельств». Школы грамотности появлялись в тех случаях, когда крестьяне за дальностью расстояния не имели возможности пользоваться земской школой. «Все имеющие детей, хотят стать грамотными и потому, если деревне представится случай, она нанимает учителя, создается школа грамоты на средства родителей. Что же касается до общества, из членов которого многие не имеют детей школьного возраста, то школа рассматривается как лишняя тягота» [11, л. 9], – сообщал один из сельских учителей. «Необходимость с самого раннего детства отдавать детей в наймы, недостаток теплого платья и обуви для детей зимой и невозможность приобрести детям кое-какие пособия ученые» – вот, по словам крестьян, и местного учительского персонала, – главные причины малолюдства школы» [4, с. 27].

Занимались обучением грамоты сельского населения и образованные монахи. Так, исследователь И.Н. Корсунский, изучая деятельность Раненбургской Петропавловской пустыни, находящейся в Рязанской губернии, отмечал, что со времени учреждения пустыни в Раненбургском уезде стало гораздо больше грамотного населения: «Поучаясь сами в книгах Божественных священного Писания и духовного содержания, иноки поучали, когда то было нужно, и можно, и других, прибежавших к ним за поучением. В пустыни была открыта церковно-приходская школа. Хотя эта школа была предназначена преимущественно для детей-

сирот духовного звания, однако в нее по правилам учреждения ее, могли поступать и дети из других званий, в качестве приходящих». Отмечая влияние этой школы на духовно-нравственное состояние окрестных сел Раненбургского уезда Рязанской губернии, тот же историк писал: «Они (крестьяне – И.С.) видят здесь высокие примеры подвижнической жизни, выслушивают от отцов обители благие советы и наставления и доверчивыми детскими сердцами усваивают то, что видят и слышат от людей уже испытанных в духовно-нравственной жизни. Все это легко и сильно запечатлевается на их мягком, как воск сердце, и они, впоследствии, сделавшись сами отцами семейств, несут те же семена веры и благочестия, которые восприняли в обители» [7, с. 42].

Кроме того, необходимо выявить основные причины, побуждавшие крестьян к получению образования.

Одной из главных причин выступала польза от грамотности при прохождении военной службы крестьянами. «Грамотному вообще, а особенно развитому умственно, и без льготы воинская служба дается легче, и чем больше и лучше молодой человек учится в школе, тем ему легче служить, – это очень хорошо понимают крестьяне» [2, с. 194], – писал Н.Ф. Бунаков.

Другой важной причиной освоения грамоты являлось повышение уважения к грамотному крестьянину среди односельчан. «В долгие зимние вечера в доме, где есть грамотей, всегда собрание. Он читает, толкует и объясняет; собравшиеся сначала безмолвно слушают, а потом и сами рассуждают, спорят; нередко и вторые петухи пропоют, а они и не думают расходиться» [14, с. 55], – сообщал современник.

Сильно способствовали овладению грамотой отхожие промыслы. Так, выдающийся крестьян своего времени, выучившийся грамоте во время своей работы в Санкт-Петербурге организовал в селе Низовка Тверской губернии библиотеку, которой, по его утверждению, «пользовались все, начиная со священника, учителя и кончая молодым любопытным крестьянином, желающим «почитать книжечку» [11, л. 6.]

Ведь «правда книжек заключалась в том, что в них определялось благо и необходимость христианского жизнепонимания и вся бессмыслица жизни при отсутствии этого

понимания» [12, л. 10], – заключил другой грамотный крестьянин, часто отправлявшийся на заработки в Москву.

Чаще всего, в виду необходимости получения образования, крестьяне рассуждали так: «Неграмотного легче обмануть, а грамотный не так-то поддается. Грамотный повсюду отличка: он и глазами все видит. И из рук его ничего не уйдет. А учить стало быть нужно: в солдаты возьмут – облегчение дается; записать что по извозу – деньги получают – грамотный сам запишет и расчет сделает, а то по людям ходи» [16, с. 59].

Однако в великорусской деревне существовал и иной взгляд на это явление. «Грамотность и грамотных народ отчасти отличает и ценит, но большинство считает грамотность роскошью и прихотью, говоря, что ему «учиться некогда, да пожалуй, и не нужно» [24, с. 54], – отмечал очевидец. Но потребность образования в крестьянской среде, несмотря на это, во второй половине XIX в. возрастала.

Появление в великорусской деревне грамотных крестьян, понимание необходимости образования («быть в курсе происходящего в стране»), увеличивали стремление к постижению грамоты сельским населением. «Крестьянские дети, хотят учиться, часто поступают в школу без ведома родителей, и всегда по собственному желанию. В городе у интеллигенции вопрос о поступлении решается родителями, а в деревне – детьми» [12, лл. 7об–8], – отмечал современник. И такие крестьянские дети, воспитанные родителями, и получившие образование в школе, возвращаясь в село, приносили много нового и полезного. Н.Ф. Бунаков, работая сельским учителем в Воронежской губернии, писал о крестьянской молодежи, овладевшей грамотой: «У ней не та речь, не та манера держаться, не те понятия и вкусы и стремления. Хорошую книжку пред-

почитает пьянству и больше стремится в церковь, в школу, в библиотеку, нежели в трактир и винную лавку» [2, с. 12]. В связи с этим, многие землепашцы начинали рассуждать о необходимости получения образования, особенно, если обучение в школе приходилось на зимнюю, нерабочую пору: «была бы школа – притулил бы ребят туда – они не болтаются».

Кроме того, влияние школы сказывалось и на прививании крестьянским детям любви к чтению. Результатом этого стало то, что «обучение грамоте перешло из школы в семью. Учили и учат детей грамоте и признанные законом, и непризнанные странствующие или доморожденные учителя» [2, с. 8]. В связи с этим грамотность постепенно приобретала популярность в великорусской деревне. «Деревенские грамотеи не любят, чтобы приобретенное ими умение пропадало даром, и торопятся применить его к делу. Берут книжки и для себя и для грамотных родственников: для дяди Карпа, выучившегося читать на службе, для сестры Анисьи, «чернички», которая просит для жизни непременно «божецкую книжку» [1, с. 164].

Ярким примером возрастания «желания учиться» у сельского населения может служить и тот факт, что в самое занятое время года (страдную пору) крестьяне находили время почитать ту или иную книжку. Исключением выступали зажиточные крестьяне (т.н. кулаки). О том, в частности, упоминал С.Т. Семенов, отмечавший, что «деревенский кулак идет против школы, против всех земских забот о народном благосостоянии» [16, с. 22].

Таким образом, влияние школы повышало нравственность великорусской деревни, чему способствовало создание, как государством, так и частными лицами школ для сельского населения. Овладение грамотой начинало распространяться все в больших масштабах.

Список литературы

1. Бунаков Н.Ф. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837-1905 гг. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1905. 364 с.
2. Бунаков Н.Ф. Сельская школа и народная жизнь. Наблюдения и заметки сельского учителя. СПб.: Тип. товарищества «Обществ. Польза», 1906. 229 с.
3. Васильчиков А., кн. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. Т.2. СПб.: Типография В.В. Прагца, 1870. 550 с.
4. Историко-статистическое и археологическое описание с. Парахнина (Касимовского уезда Рязанской губернии) и храма с приходом. Сост. Свящ. Рябцев. М.: при руководстве и под ред. И.Ф. Токмакова, 1898. 40 с.

5. Качоровский К.Р. Крестьянство и интеллигенция // Современные записки. 1921. Кн. V. С. 201-231.
6. Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России. 2-е изд. М.: Гос. Учебно-педагогическое изд-во Мин-ва Просвещения РСФСР, 1953. 272 с.
7. Корсунский И.Н. Раненбургская Петропавловская пустынь. Рязань, 1896. 2-е изд. 90 с.
8. Мнение о народном образовании гласного Рязанского губернского земского собрания, священника села Карелина Рязанского уезда, Иоанна Леонова // Рязанские епархиальные ведомости. – 1867. № 10. С. 268-272.
9. Паршина Е.В. Земские школы Тамбовской губернии // Краевед земли Тамбовской. Тамбов: ТГУ, 1995.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. XXXV. Рязанская губерния. СПб.: Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел; Под ред. Н. А. Тройницкого, 1903. 259 с.
11. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 176. Оп. 1. Д. 72.
12. РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 183.
13. Ржевский В. Воспитание народа // Русский вестник. 1865. Т. 55. Январь.
14. Свящ. Ив. Беллюстин. Русь православная // Православие: pro et contra. СПб.: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного Института, 2001. С. 52-65.
15. Сельская школа (корреспонденция из Рязанской губернии) // Труды Я.К. Грота. Т. 5. СПб.: тип. М-ва пут. сообщ. (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1903. С. 225-231.
16. Семенов С.Т. Крестьянское переустройство. М.: «Жизнь и знание», 1915. 371 с.
17. Столяров Ив. Записки русского крестьянина // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М.: Современник, 1989. С. 323-484.
18. Сурин М.Н. Что говорят крестьяне о нуждах деревни. М.: Тип. П. К. Прянишникова, 1907. 79 с.
19. Тан. Новое крестьянство. Очерки деревенских настроений. 2-е изд. СПб.: Типография Л. Лесмана, 1906. 120 с.
20. Ушакова И.В. Народная школа Рачинского. Письма из Татевской усадьбы. М.: Изографъ, 2016. 152 с.
21. Шашков С. Земство в заколдованном кругу // Дело. 1879. № 10. С. 58-86.
22. Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. 2-е изд. СПб.: Общественная польза, 1907. 232 с.
23. Этнографические сведения о Зарайском уезде Рязанской губернии, собранные действ. стат. советником свящ. Селезневим. Рязань: изд. Ряз. Стат. комитета, 1871. 17 с.
24. Яковенко В. Что думают о грамотности крестьяне Кромского уезда // Северный вестник. 1888. № 5.

FOLK SCHOOL AND RAISING THE LEVEL OF MORALITY OF THE RURAL POPULATION IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

The Relevance of the research topic due to the increase in modern Russia the educated people and the decline in their level of morality. The subject of research is the great Russian peasantry, mainly the second half of the XIX century the article deals with the issue of obtaining the rural population in the second half of the XIX century of education and impact of this process on the state of public morality. Details discussion about the appropriateness of mastering the diploma of agricultural workers, in absentia occurred in the 1860's. in Russian journalism. We are given the views of both opponents and supporters of education for rural population. The reasons that motivate the peasants to the «desire to learn», among which were the benefits for military service and understanding of literate peasants of the process of record keeping of the parish clerks during village meetings, identification of fraud. A significant moment of manifestation of this activity was the organization of schools of different species within a single school network (Ministerial, rural, parish, school certificates). The benefits literacy was that, receiving the rudiments of education, rural workers began to realize his position in the Russian society. Educated peasant children sought to teach the same to their elderly parents.

Keywords: literacy, school development, the level of morality, spiritual and moral education

References

1. Bunakov, N.F. (1905) *Moja zhizn' v svyazi s obshherusskoj zhizn'ju, preimu-shhestvenno provincial'noj. 1837–1905 gg.* [My life with the all-Russian life, mainly provincial 1837–1905] SPb.: Tip. t-va «Obshhestvennaja Pol'za». 364 s.
2. Bunakov, N.F. (1906) *Sel'skaja shkola i narodnaja zhizn'. Nabljudeniya i zametki sel'skogo uchitelja.* [Rural school and folk life. Observations and notes of rural teachers.] SPb.: Tip. tovarishhestva «Obshhestv. pol'za». 229 s.
3. Vasilchikov A., kn. (1870) *O samoupravlenii. Sravnitelnyiy obzor russkih i inostrannyih zemskih i obschestvennyih uchrezhdeniy.* [About self-government. Comparative review of Russian and foreign Zemstvo and public institutions.] T.2. SPb.: Tipografiya V.V. Prattsa. 550 s.
4. *Istoriko-statisticheskoe i arheologicheskoe opisanie s. Parahni-na (Kasimovskogo uезда Rjazanskoj gubernii) i hrama s prihodom.* (1898) [Historical, statistical and archaeological description of S. Parani-(Kasimov district of the Ryazan province) and the temple with the ward] Sost. Svjashh. Rjabcev. M.: pri rukovodstve i pod red. I.F. Tokmakova. 40 s.
5. Kachorovskiy, K.R. (1921) *Krestyanstvo i intelligentsiya // Sovremennyye zapiski.* [The peasantry and the intelligentsia // Modern notes.] Kn.V. S. 201-231.
6. Konstantinov N.A., Struminskiy V.Ya. (1953) *Ocherki po istorii nachalnogo obrazovaniya v Rossii.* [Essays on the history of primary education in Russia.] 2-e izd. M.: Gos. Uchebno-pedagogicheskoe izd-vo Min-va Prosvescheniya RSFS. 272 s.
7. Korsunskij, I.N. (1890) *Ranenburgskaja Petropavlovskaja pustyn' [Ranenburgskaya Peter and Paul deserts]. Rja-zan'. 2-e izd . 90 s.*
8. *Mnenie o narodnom obrazovanii glasnogo Rjazanskogo gubernsko-go zemskogo sobranija, svjashhennika sela Karelina Rjazanskogo uезда, Ioanna Leonova (1867) // Rjazanskie eparhial'nye vedomosti* [View on the public education of the Ryazan province a vowel th provincial Assembly, the priest of the village of Karelina Ryazan UEZ-Yes, John Leonov // Ryazan diocesan Bulletin]. № 10. S. 268–272.
9. Parshina, E.V. (1995) *Zemskie shkoly Tambovskoy gubernii // Kraeved zemli Tambovskoy.* [County school of the Tambov province // the local history of the land of Tambov.] Tambov: TGU.
10. *Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii. 1897 g. (1903). T. XXXV. Rjazanskaja gubernija. – SPb.: Izd. Centr. Stat. komite-tom M-va vn. del; Pod red. N.A. Trojnickogo. 259 s.*
11. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (RGALI). [Russian state archive of literature and art (RGALI)]. F. 176. Op. 1. D. 72.
12. RGALI. F. 2167. Op. 1. D. 183.
13. Rzhvetskij, V. (1865) *Vospitanie naroda // Russkij vestnik* [The education of the people // Russian Bulletin]. T. 55. Janvar'.
14. Svjashh, Iv. Belljustin. (2001) *Rus' pravoslavnaja // Pravoslavie: pro et contra [FR. IV. Bellustin. Orthodox Russia // Pravoslavie: pro et contra]. SPb.: Izd-vo Russkogo Hristianskogo Gumanitar-nogo Instituta . S. 52-65.*
15. *Selskaya shkola (korrespondentsiya iz Ryazanskoy gubernii) // Trudy Ya.K. Grotta. (1903) [Rural school (correspondence from Ryazan province). Trudy Ya. K Grotta.] T. 5. SPb.: tip. M-va put. soobsch. (t-va I.N. Kushnerev i K°). S. 225-231.*
16. Semenov, S.T. (1915) *Krest'janskoe pereustrojstvo [Peasant reorganization]. M.: «Zhizn' i znanie». 371 s.*
17. Stoljarov, Iv. (1989) *Zapiski russkogo krest'janina // Zapiski ochevidca: Vospominaniya, dnevniki, pis'ma [Notes of a Russian peasant // Notes of an eyewitness: the Memoirs, diaries, letters]. M.: Sovremennik. S. 323-484.*
18. Surin, M.N. (1907) *Chto govoryat krestyane o nuzhdah derevni.* [What peasants say about the needs of the village] M.: Tip. P. K. Pryanishnikova. 79 s.
19. Tan. (1906) *Novoe krestyanstvo. Ocherki derevenskih nastroyeniy.* [New peasant. Essays of village moods] 2-e izd. SPb.: Tipografiya L. Lesmana. 120 s.
20. Ushakova, I.V. (2016) *Narodnaya shkola Rachinskogo. Pisma iz Tatevskoy usadbyi.* [Public school of Rachinsky. Letters from the estates of Tatev] M.: Izograf. 152 s.
21. Shashkov, S. (1879) *Zemstvo v zakoldovannom krugu // Delo* [The district Council in a

vicious circle // Case]. № 10. S. 58-86.

22. Shingarev, A.I. (1907) Vyimirayuschaya derevnya. Opyit sanitarno-ekonomicheskogo issledovaniya dvuh seleniy Voronezhskogo uezda. [A dying village. Experience of sanitary and economic research of two villages of Voronezh Province] 2-e izd. SPb.: Obshchestvennaya polza. 232 s.

23. Jetnograficheskie svedeniya o Zarajskom uezde Rjazanskoj gu-beronii, sobrannjaj dejst. stat. sovetnikom svjashh. Seleznevym (1871) [Ethnographic information about Zaraysk district of the Rязan Huber research Institute, collected action. stat. Advisor FR. Seleznev]. Rjazan': izd. Rjaz. Stat. komiteta. 17 s.

24. Jakovenko, V. (1888) Chto dumajut o gramotnosti krest'jane Kromskogo uezda // Severnyj vestnik [What do you think about literacy, the peasants Kromskogo district // North Gazette]. № 5.

Об авторе

Свиридов Илья Сергеевич – аспирант 3-го года обучения Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского (Россия), E-mail: ilya.sviridov.1992@mail.ru

Sviridov Ilya Sergeyevich – postgraduate student of the 3rd year students of the Institute of history, law and social Sciences Lipetsk state pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (Russia), E-mail: ilya.sviridov.1992@mail.ru